

Янь Янь задумчиво смотрел на спину бабушки Шао. Он надул щеки, о чем-то поразмыслил, словно постиг какую-то истину, и медленно подошел к ней. Вытащив из кармана носовой платок, он поднял руку и протянул его бабушке:

— Тетя, я знаю.

Слезы, выступившие на глазах у бабушки Шао, мгновенно высохли. Она примерила на себе рост этого малыша, наклонилась, подняла его на руки и сквозь слезы рассмеялась:

— И что ты там знаешь?

Янь Янь послушно обнял бабушку за шею и с детской наивностью произнес:

— Я могу быть его опорой. Видишь, я ведь не умру раньше него.

Бабушка Шао погладила его по голове:

— Мой хорошенький, тебе бы помыть голову. Я только провела рукой, а там два килограмма жира. Завтра нам не придется покупать арахисовое масло: твои волосы сами его дают, как раз для жарки.

В комнате не выключенный телевизор продолжал транслировать оперу, хотя «Трое матерей учат сына» уже сменилась на «Битву умов». Бабушка Шао напевала мотив, а затем сказала:

— Какая там опора... Когда меня не станет, ты просто стань для него примером. И это уже будет для нашего рода счастьем.

Янь Янь покачал головой, повертелся туда-сюда, ничего не понимая. Но в конце концов кивнул, уперевшись подбородком в плечо бабушки Шао, и с важным видом, распустив хвост, взял на себя эту тяжелую задачу:

— Угу.

Жизнь тех, кто остался, должна была продолжаться. Например, на следующее утро детям предстояло идти в школу.

Неизвестно, было ли это последствием вчерашнего потрясения или еще какой-то причиной, но Шао Ицянью чувствовал, что мир вокруг изменился.

Только он вышел из дома, как Пес выскользнул из-под увядающего винограда. Его тучное тело извивалось, движения были ленивыми и медленными. Затем... он спокойно подошел к Шао Ицянью и так же спокойно справил нужду прямо у него под ногами.

Проходя мимо ворот Чэнь Мэна, Шао Ицянью увидел старину Чэня, который крутил бедрами и вертел головой. Неожиданно седые виски старика резко бросились Шао Ицянью в глаза.

...

Люди часто в один миг замечают, что пейзаж вокруг стал иным, и лишь потом вдруг осознают, как быстро летит время.

На самом деле старость и смерть — это всего лишь неизбежная данность.

Эти сцены, виденные бесчисленное количество раз, казались одновременно и чужими, и

знакомыми. У Шао Ицянэ нервно защемило в желудке, его тошнило. Настроение у него сегодня было паршивое, и какая-то непонятная тяга заставила его бежать во весь дух по переулку. Он забыл про свои обычные забавы с кошками и собаками и бежал очень сосредоточенно.

Когда он добрался до школы, первым уроком оказалась английский. Просто несчастье какое-то.

Учительница английского тоже была не промах и через две-три минуты урока решила провести диктант у доски.

— Шао Ицянэ!

Этому неудачнику всю утреннюю подготовку не давало покоя черное настроение. Он только что проснулся и, услышав свое имя, рефлекторно встал и направился к доске. Он шел, как пьяный, шатаясь из стороны в сторону. По пути он опрокинул не одну кружку с водой, заслужив множество молчаливых злобных взглядов, но все же благополучно добрался до цели.

Там, наконец, он проснулся. Увидев лицо учительницы, он тут же вспомнил всю череду неприятностей, случившихся вчера. Старые обиды всплыли вновь.

В его подсознании как раз не хватало человека, на которого можно было свалить вину за все невзгоды, и он возложил всю ответственность на учительницу. Если бы она не стала звать родителей, бабушка Шао не разозлилась бы. А если бы бабушка не разозлилась, он, возможно, не увидел бы тот гроб, и, может быть, со стариком Шао ничего бы не случилось.

Вместе с мозгами проснулась и «боевая» решимость. Под влиянием этого странного импульса он взял мел — тот самый, которым обычно закидывал людей.

Чэнь Мэн чуть не вылез из глаз от удивления, решив, что это чудо сегодня решило на путь истинный. Он очень услужливо листал учебник и подсказывал.

Ну и подсказка: от первого ряда до последнего было слышно каждое слово.

Но учительница на трибунах, а вернее, у доски, не реагировала ни на что. Что бы она ни диктовала по-китайски, он писал одну и ту же строку букв: «wqnm1gb».

Единственным отличием было количество повторений последней буквы «b».

Он коряво вывел десять строк, ловко швырнул мел и с выражением «Что вы мне сделаете?» вызывающе посмотрел на учительницу.

Учительница английского в одно мгновение ощутила, как желчь подступает к горлу, и лицо ее позеленело.

Шао Ицянэ, этот забияка, который никогда не помнит уроков, стоял у доски с абсолютно ровным выражением лица, четко демонстрируя всем присутствующим значение слова «холодная красота».

...Итак, на сцене стояла эта враждующая парочка — учитель и ученик, — словно два павлина, соревнуясь, у кого хвост пышнее.

Казалось, все могли видеть, как в пустоте их невидимые двойники сражаются на мечах,

обмениваясь ударами. Блеск стали, вспышки молний — зрелище было не для слаонервных.

Чэнь Мэн застыл на мгновение, затем молча закрыл глаза ладонями.

В классе воцарилась кратковременная тишина, но тут же из какого-то угла раздался весьма нескромный звук урчания в животе.

Как только этот гул затих, учительница английского трансформировалась —

Она с силой швырнула учебник на пол и резко процедила:

— Вон!

Ее лицо сейчас можно было назвать мертвенно-бледным: челюсти были сжаты так сильно, что мелкие сосуды на щеках проступили наружу.

С таким лицом ей даже в восемнадцатом круге ада демоны поклонились бы в корню. Слишком уж она была свирепой.

Если теперь посмотреть на ту пустоту, то двойник учительницы английского был уже изрублен в лапшу и скормлен псам, а двойник Шао Ицяня стоял с мечом в руке, величественный и гордый, важный такой.

Шао Ицянь мысленно представил, как у нее над головой загорается облако огня. Собравшись с духом, он собирался отпустить какую-нибудь остроту, как вдруг в дверях класса раздался голос.

— Учитель, я из первого класса «А», меня зовут Янь Янь, я за Шао Ицянем... Голос становился все тише и стих совсем.

Шао Ицянь обернулся. Его дядя стоял в дверях, прикладывая руку к козырьку в воинском приветствии.

Малыш бегал глазами, затем поймал взгляд учительницы. Его губы дрогнули вниз, и он все чаще и чаще принимался хмуриться, пока... наконец, опершись на дверной косяк, не разрыдался! И плакал все громче и горестнее!

Он плакал так, будто ему было очень больно, и его вой, наверное, был громче школьного звонка. И это после того, как вчера вечером он поклялся стать чьей-то опорой, а теперь испугался какой-то учительницы, у которой просто плохой день. Ну и дела.

Первоклассник пытаясь поднялся на второй этаж и был напуган учителем из третьего класса до слез. Это...

Шао Ицянь скривился:

— ...

Неужели? Вспомни, ты же когда-то пописал на торговца органами, а сейчас боишься учительницу до такой степени?

Гнев учительницы мгновенно переключился на него. В ее глазах заплясали искры, и она резко спросила:

— Ты кто ему такой?! Зачем лезешь во время урока?

Янь Янь плакал, уже не мог говорить, лишь выдавливал из себя с перерывами:

— Я... я дядя Шао Ицяня. У нас... у нас дома беда.

Услышав слово «беда», Шао Ицянь словно обухом по голове. Он развернулся и пустился бежать. Уже добежал до лестничного пролета, но никто не бежал следом. Он оглянулся и чуть не аплодировал Янь Яню: тот был гением. Плакать, опираясь на косяк, было неудобно, поэтому он просто сел на пол, зарыл голову в колени и завыл туда.

Шао Ицянь, матерясь сквозь зубы, вернулся, схватил этого левшу под мышки, выдернул с места и потащил к лестнице. Там он подсадил его на перила, и они скатились вниз.

Но в каждой трагедии есть доля комедии. Перила были деревянными, и на них торчали занозы... Впиваться в мясо, должно быть, больно...

Не верите? Слушайте:

— Ой, чёрт!

По дороге Янь Янь не переставал выть, так что Шао Ицянь, у которого уши уже болели, не выдержал и бросил его на полпути, а сам побежал дальше.

<http://bllate.org/book/16843/1549633>